

Чужой среди своих, чужой среди чужих

Артюшкина Т. А.

*«В судьбе нет случайностей,
человек скорее создает,
нежели встречает свою судьбу».*
(А. Вильмен)

Культурная сфера существования человечества – самая ранимая из всех сторон жизни, и поэтому в период различных катаклизмов, выпадающих волею судьбы или как следствие недальновидной политики вождей на долю любой страны, страдает прежде всего. К сожалению, мы не всегда это осознаем, так как последствия в этой сфере порой проявляются спустя годы, а то и десятилетия.

Так уж случилось в истории нашей страны, XX век – это цепь трагедий, когда вместе с политическим строем, общественным укладом менялось отношение целых поколений к духовным ценностям, культура и наука использовались как идейная основа для новых политических устремлений. Но культура, наука, как и любая другая сфера жизнедеятельности общества, – это, прежде всего, люди, которые ее создают.

Тяжелы и порой трагичны судьбы ученых, артистов, художников, жизнь которых проходит на изломах истории собственного отечества. И сегодня судьбы таганрожцев, чьи имена вошли в историю города – Андреев-Туркин, Филевский, Иорданов, братья Миллеры, Руссо, Блонская – вызывают бурю чувств: сожаление и сострадание, боль и недоумение, чувство вины за собственное бессилие, что изменить и исправить ничего нельзя. Историю не повернуть вспять. Все они родились в XIX веке, жили в сложное время – на рубеже столетий, эпох, видели войны и революции, голод, разруху, попадали в котел репрессий. В большинстве своем эти люди стояли вне политики – не служили в армии, не принадлежали ни к одной политической партии или организации. Они просто продолжали жить так, как жили, работать так, как работали, понимая, что новый общественный уклад не признает нейтралитета: кто не с нами, тот против нас.

В ряду этих трагических судеб есть еще одна, может быть, одна из самых трагичных. Во всяком случае в истории существования краеведческого музея, потому что имя Василия Митрофановича Базилевича, последние годы его жизни тесно переплелись с музеем и нашим городом.

Родился В.М. Базилевич в Киеве в 1897 году в старинной купеческой семье. Мать – из киевских мещан Лычковых. Отец его был мировым судьей, но умер рано, и мать вынуждена была из-за тяжелого финансового положения семьи писать прошение об освобождении сына от уплаты за учебу в гимназии. После окончания гимназии В.М. Базилевич поступает в Киевский университет Святого Владимира на историко-филологический факультет. Успешное окончание университета открыло перед молодым ученым широкую перспективу. В печати появляется ряд его работ. Он активно участвует в историко-этнографическом кружке, проводит этнографические экспедиции, пишет стихи. Еще в 1909 году, в двенадцатилетнем возрасте, на 100-летию со дня рождения Гоголя читал он свои первые стихи. Уже после революции В.М. Базилевич был приглашен в Археологический институт, где читал лекции по геральдике и сфрагистике.

Диапазон его исследовательской деятельности поражает своей широтой. Судите сами. В 20-е годы он занимается под руководством Д.И. Багалея историей декабристского движения на Украине. По этой теме Базилевич опубликовал более десяти работ в Москве, Киеве и Харькове. Занимается он и вопросом пребывания Грибоедова в Киеве. В 1929 году публикует небольшую работу «Грибоедов в Киеве». Выходят в свет его работы, посвященные московско-крымским отношениям в первой половине XVIII века, временам Богдана Хмельниц-

кого, вопросам геральдики и по ряду других вопросов.

Ну а в 1932 году, 28 ноября, в газете «Правда» появилось сенсационное сообщение о том, что киевский профессор В.М. Базилевич выявил архивные материалы о пребывании на Украине Оноре де Бальзака.

Даже по этой, далеко не полной информации, которая имеется в нашем распоряжении, можно сказать, что Василий Митрофанович был очень энергичным, деятельным и увлеченным человеком. Преподавательская деятельность, регулярные публикации, работа в архивах, этнографические экспедиции, до 1933 года опубликовано 45 книг – все это говорит о том, что карьера молодого ученого складывалась удачно и его ждало большое будущее. Но, может быть, именно эта неумная энергия, беспокойный характер и стали одной из причин его трагической впоследствии жизни.

Он не служил в армии, ни в белой, ни в красной, не состоял в политических партиях, но сотрудничал в некоторых антисоветских изданиях, в частности в 1918 году, во время германской оккупации Киева – в газете «Голос Киева». Был близко знаком с видными деятелями Добровольческой армии и Киевского правительства в период правления гетмана П.П. Скоропадского, а также был дружен с рядом семейств немецкого происхождения и деятелями антисоветского «Центра Действия». (1)

Вот эти-то «прегрешения» и послужили поводом для двух арестов. Первый – в 1927-м и второй – в 1933 году. Через несколько дней после второго ареста мать его, не выдержав потрясения, умерла. Библиотека, насчитывающая 6 тысяч томов, уникальные издания с автографами Листа, Л. Толстого и других известных людей – конфискованы, а квартира и имущество расхищены. (2)

В апреле 1935 года особым совещанием НКВД профессор В.М. Базилевич осужден по ст. 58 на пять лет и сослан в лагеря Дальнего Востока. В 1941 году, после освобождения, уже в Таганроге он напишет: «Пострадал за участие в газете, за свои убеждения, за милые знакомства». (3)

Пять долгих лет В.М. Базилевич провел в Дальлагере, поселок Вира Дальневосточной железной дороги, отдельный лагерный пункт Будухан. Что испытал он там, за колючей проволокой, каково ученому, лишенному возможности работать, писать – этого мы не узнаем никогда. Даже в своих личных письмах после освобождения он никогда не вспоминал о том времени.

Свободу Василий Митрофанович получил в конце 1939 года. В городском архиве сохранилась копия записки начальника лагеря: «Бирлаг. 4.XII.39 г. Объявить з/к Базилевичу В.М., что после отбывания меры наказания по разрешению секретариата НКВД УИК он может работать по своей специальности». Но вот вернуться в родной Киев он не мог. В одном из писем Базилевич напишет: «Мечтаю о возвращении в родной Киев, с которым связано столько радости и печали, воспоминаний». Местом жительства централизованными органами НКВД для В.М. Базилевича был определен Таганрог. Но, несмотря на имеющиеся документы, местные органы НКВД отказывали ему в жительстве в нашем городе. Он вынужден был жить в пригороде, три месяца не имел никакой работы. Но вскоре его принимают на работу в краеведческий музей главным хранителем. С октября 1940 года его снова пытаются выслать из Таганрога, но благодаря ходатайству администрации краеведческого музея и Академии наук Базилевич остается в городе. Проживает на квартире по адресу: 16-й переулок, 48.

Истосковавшись по работе, работе исследователя, В.М. Базилевич развивает в музее бурную научную и исследовательскую деятельность. Его интересует вопрос пребывания в Таганроге А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, Жемчужникова, движение декабристов, творчество художника К.А. Савицкого, писателя А.П. Чехова и многие другие вопросы. Всего за один год (до оккупации) пребывания в музее он написал более 20 работ по разным темам исследования.

Ведет он и обширную переписку с такими известными людьми, как Балухатых, Доризо, Сперанским, Андреев-Пушкин, Бонч-Бруевич и другими. К Бонч-Бруевичу он обращается

за советом, как вернуть незаконно конфискованную библиотеку. По его совету Базилевич обращается с письмом в НКВД УССР. Как ни странно, ему не только ответили, но и вызвали в Киев. Сохранился документ по этому поводу: «г. Киев. Прошу Вас прибыть к 25.XII. 1940 г. в 1-й спецотдел НКВД УССР г. Киева для переговоров по поводу возвращения вашей научной библиотеки».6 Известно, что В.М. Базилевич побывал в Киеве, но чем закончились переговоры – мы не знаем.

В городском архиве сохранилась и переписка личного характера. Письма от близких друзей очень теплые. Они не отвернулись от него и не забыли, как часто тогда случалось, если человек был осужден по 58 статье. Хочу привести несколько строк одного из таких писем. Пишет некая А. Мельникова: «Я много думала о Вашей жизни, о работе в настоящих условиях, и всякий раз становилось только нестерпимо досадно и обидно за человеческую личность. Со своей стороны чувствуешь полное бессилие и несостоятельность изменить что-либо». (7)

В.М. Базилевич переписывается и с теми, кто остался в лагере. Его просят прислать табак, папиросы, мундштук на память, и главное – просят писать, не забывать. Обращаются с просьбой помочь с адвокатом. В одном из писем от заключенного Мухина я прочла следующие строчки: «Знаю вас как человека, всегда готового помочь другому». И далее: «Осталось до освобождения 2 г. 3 м. 26 дн. – надежды дотянуть нет». (8) Тот, кто писал эти строки из Дальлагеря, знал и видел многое, и можно быть уверенным, что именно таким и был Василий Митрофанович.

8 октября 1941 года, в связи с приближением к городу немецко-фашистских войск и необходимостью эвакуации, на В.М. Базилевича было возложено по предложению директора музея К.И. Честосердова временное заведывание и охрана фондов музея с передачей всех документов, печатей и ключей. Вскоре немецкие войска вошли в Таганрог, и Базилевич назначается теперь уже директором музея. Ему вменяется в обязанности «в точности выполнять все распоряжения городского управления или его отделов, не допуская никаких мероприятий, каковы шли бы вразрез с интересами городского населения и германских вооруженных сил». (9) Документ подписан бургомистром Н. Куликом.

Судя по одному из писем, В.М. Базилевич хотел остаться в городе, хотя обстановка была достаточно тяжелая: «Мне удалось остаться на месте. В трудные и переходные дни некоторое время я был совершенно один в музее. Вернее, один из музейных сотрудников, т.к. в музей до получения охранной грамоты комендатуры разные посторонние лица стали проникать и начали расхищение его собраний». (10)

В декабре 1941 года директором музея назначается Строев, а Базилевич остается научным сотрудником и продолжает исследовательскую работу.

В марте 1942 года его дважды вызывают в милицию, которая располагалась на улице Греческой, о чем имеются в городском архиве документы. Повод неизвестен. А в конце ноября 1942 года В.М. Базилевич был арестован. Обстоятельства и причины его ареста до сегодняшнего дня продолжают оставаться загадочными. Полуофициальная версия - обвинение в воровстве. При обыске квартиры якобы были найдены некоторые экспонаты музея и опись по нумизматической коллекции, которую Базилевич переписывал. Этого человека нельзя заподозрить в банальной краже во-первых, а во-вторых, для обыска нужен был повод, то есть чей-то донос. Зачем? Кому мешал научный сотрудник? Попытка объяснить действия Василия Митрофановича желанием скрыть от немцев какие-либо ценные предметы тоже не выдерживает критики. Из его личной переписки и из других документов следует, что он не испытывал к ним особой вражды, даже был лоялен. Прошлое, происхождение и статус бывшего политического заключенного служили для него охранной грамотой. Что же произошло на самом деле? Злая ирония судьбы? Еврейская фамилия? Чей-то навет? Точно мы не сможем ответить на этот вопрос. В декабре 1942 года Василий Митрофанович был расстрелян. Вот так он оказался чужим среди своих, чужим среди чужих.

Он так и не закончил историю Академии наук, над которой работал, так и не вернулся в родной Киев. Его жизнь – словно порванная струна. И сколько их было порвано за послед-

ние 100 лет! Может, поэтому и не получается стройной песни в нашей истории.

Источники:

1. ГАРО Р-532, д. 18.
2. ГАРО Р-532, д. 18.
3. ГАРО Р-532, д. 27.
4. ГАРО Р-532, д. 27.
5. ГАРО Р-532, д. 44.
6. ГАРО Р-532, д. 44.
7. ГАРО Р-532, д. 39.
8. ГАРО Р-532, д. 39.
9. ГАРО Р-532.
10. ГАРО Р-532, д. 27.
11. Архив ТГЛИАМЗ.
12. Газета «Прапор коммунизма», г. Киев, 1987 г.

ЦГТІБ імені А.П. Чехова